

ПОРТРЕТ ГЕРОЯ НА ФОНЕ ГОРОДА Князь Алексей Черкасский, или «Мешочек смелости» за пазурой

Е. В. Анисимов

В тяжёлые времена реформ и переворотов особенно трудно удержаться на вершине власти и почти невозможно дожить без опалы и отставки до своей естественной кончины. Еще труднее до самого конца быть «в милости», окруженным официальным почётом, утешенным и приободренным неизменной лаской государя. К числу таких редких счастливых случаев русской истории относится князь Алексей Михайлович Черкасский. Многие современники видели в нём лишь ленивца и глупца, который делал карьеру благодаря удачному стечению обстоятельств да умению ловко дремать с открытыми глазами на бесчисленных заседаниях. Черкасского из-за особой тучности называли «телом» правителя, тогда как «душой» считали других — более честолюбивых, ловких, проницательных, вроде Шафиров, Остермана или потом, уже при Анне Иоанновне, Артемия Волынского. Но они, эти ловкачи, вдруг куда-то исчезали, проваливались, а Черкасский из года в год неизменно и невозмутимо вел заседания, пересидев всех своих друзей и недругов, да еще пятерых самодержцев.

Первое, о чем обычно пишут современники и биографы Черкасского, так это о его фантастическом богатстве. Действительно, он был богатейшим человеком России, владельцем поместий величиной с иные европейские державы и десят-

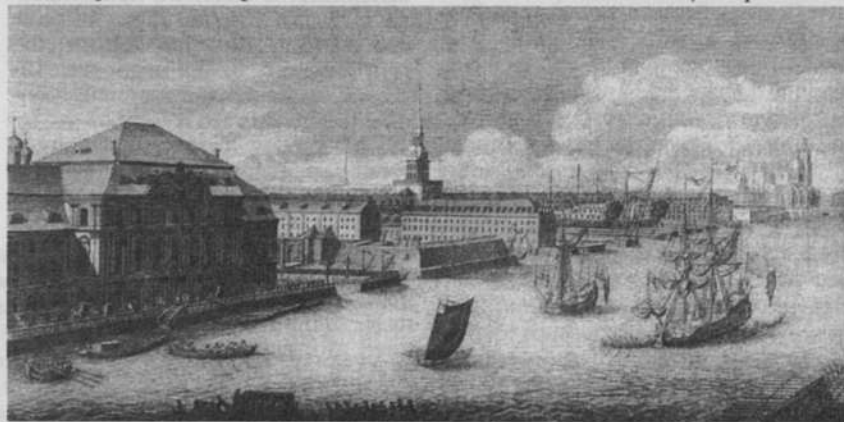
ков тысяч крепостных крестьян. Умственные и деловые качества Черкасского современники даже не обсуждали. Герцог Бирон — фактический правитель России при Анне Иоанновне — жаловался своему знакомому на трудности в ведении государственных дел: «Остерман уже 6 месяцев лежит в постеле. Князя Черкасского вы знаете, а между тем все должно идти своим чередом». Язвительный князь Михаил Шербагов в книге «О повреждении нравов России» (Факс. изд. М., 1984. С. 60) писал о Черкасском: «Человек весьма посредственный умом, ленив, незнающ в делах и, одним словом, таскающий, а не носящий имя свое и гордящийся единым своим богатством».

И все же ни богатство, ни знатность, ни родство, ни тучность, ни тем более глупость обычно не спасали от опалы, гнева или недовольства самодержца. В личности Черкасского есть своя загадка. Примечным, что с юношеских лет он занимался государственными делами вместе с отцом — тобольским воеводой, боярином, князем Михаилом Яковлевичем — и как второй воевода управлял Сибирью. В петровское время ему давали разные поручения, в том числе и руководство городской канцелярией. Это было такое учреждение, в котором не очень-то подремлешь на заседании — как известно, в строитель-

ных управлениях во все времена дым стоит коромыслом. А Черкасский руководил строительным ведомством целых семь лет! И царь был им доволен. Возможно, Черкасский не был так инициативен, как другие, ему, как писал один из современников, не хватало «мешочка смелости», но он явно сидел на своем месте, умел подбирать людей и успешно вел непростое дело.

Конечно, после смерти Петра Великого многие сановники ослабли. Но, как видно из документов, Черкасский дремал вполглаза. Этот флегматичный толстяк мог вдруг проснуться и сказать несколько слов, которые в устах этого несуетного и молчаливого вельможи звучали особенно весомо и авторитетно. Так, в начале 1730 г., когда верховники во главе с князьями Голицыными и Долгорукими фактически ограничили самодержавную власть императрицы Анны Иоанновны в свою пользу, все вдруг с удивлением услышали громкий голос князя Черкасского. На встрече дворянства с верховниками в Кремле именно он, а не кто-то другой, смело вышел вперед и потребовал от Верховного тайного совета, чтобы будущее государственное устройство России обсуждали не в кулуарах, не в узком кругу, а в среде дворянства. Потом он превратил свой богатый дом в своеобразный штаб дворянских прожектеров и сам был автором проекта о восстановлении самодержавия. Вот и «мешочек смелости» нашелся!

«Затейка» верховников, таким образом, провалилась, а самодержавие было восстановлено. Все стало как прежде, и Черкасский мог вновь мирно дремать — императрица Анна Иоанновна, получив самодержавное полномочие, этой услуги Черкасскому не забыла. В 1734 г. он занял высшую должность в империи — стал канцлером России и сидел на этом месте до самой своей смерти в 1742 г., уже при новой императрице Елизавете Петровне.

Панорама Санкт-Петербурга.
Гравюра с оригинала М. И. Махаева. 1753 г. Фрагмент